

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ

Мишель Никё

«Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами»¹.

Включению революционного романтизма в соцреализм в качестве его «составной части» предшествовали острые споры о «творческом методе». Статус революционного романтизма в соцреализме остался все-таки дискуссионным, отразив двусмысленность самого понятия «соцреализм». Разговор о сущности, месте и роли революционного романтизма в соцреализме должен пройти в двух планах — конкретно-историческом и семантическом.

Наступление на романтизм (1927—1932)

Ранняя советская литература ярко окрашена романтическими тонами: героическое пересоздание действительности на основе идеала, разлад с миром житейской прозы (особенно с наступлением НЭПа), преобладание субъективного начала и лиризма, возвышающий максимализм образов, устремленность в будущее, — все это присуще большинству писателей и поэтов 1920-х годов: поэты «Кузницы» (М. Герасимов, В. Кириллов, В. Казин и др.), Э. Багрицкий, М. Светлов, В. Маяковский, Б. Пастернак, Н. Тихонов, И. Сельвинский, В. Каменский, С. Есенин; Л. Леонов, А. Малышкин, Б. Пильняк, И. Бабель, Вс. Иванов, А. Веселый, Д. Фурманов, В. Вишневский, К. Паустовский, А. Грин, М. Пришвин, А. Платонов и др. — все на свой лад «романтики». Наиболее ярким был романтизм гражданской войны: «Это восторг воздетых знамен, взрыв страсти и гнева, это сверканье сабель и конское ржанье, расстрелы без суда и следствия, «Даешь Варшаву!», жизнь, сон и смерть под открытым небом, озаренном кострами кочующих, как древние орды, полков»².

И вдруг в начале 1927 года начинается «антиромантический поход» РАППа (как один из элементов его борьбы за гегемонию в литературе): «столбовая дорога» пролетарской литературы очищается от всего непролетарского. Наступление на романтизм совпадает с борьбой против «есенинщины»: первый номер журнала «На литературном посту» за 1927 г. содержал статью А. Ревякина «Есенин и есенинщина» и «Тезисы об упадочности в художественной литературе» И. Гроссмана-Рощина; критик выделял две упадочные группы — представители «зажиточного крестьянства» и представители «феодалной интеллигенции», которая «льнет к идеализму — в философии, к романтике — в искусстве»³. Главным сигналом и теоретической опорой для рапповской атаки на романтизм послужила статья Поля Лафарга «Происхождение романтизма», впервые и целиком опубликованная в том же 1927 году в седьмом номере журнала «На литературном посту». Вместе с трудами Плеханова, отождествлявшего романтизм с буржуазным, идеалистическим, реакционным мировоззрением, рапповцы использовали примитив-

ные и схематические литературоведческие работы Лафарга «для вящего посрамления любого и всяческого романтизма»⁴. На этой же гносеологической предпосылке (романтизм отражает идеалистическое мировоззрение, а не является просто стилевым направлением), Фадеев отвергнет романтизм в своем известном докладе «Долой Шиллера!» на пленуме РАПП в сентябре 1929 г.: «Мы различаем методы реализма и романтики, как методы более или менее последовательных материализма и идеализма в художественном творчестве, как, с одной стороны, метод более или менее последовательного “срывания всех и всяческих масок” (Ленин о Толстом), а, с другой стороны, метод искажения и мистификации действительности, “нас возвышающего обмана”»⁵.

Цитата из Пушкина («Герой») приведена с несомненным намеком на Горького-Чижана, на «романтика-обманщика»⁶, который являлся главным оппонентом РАППа в спорах о романтизме. Для этого Горький рассек романтизм на «активный» и «пассивный» романтизм (в каприйских лекциях он уже говорил об «индивидуалистическом» и «коллективистском» романтизме): «Пассивный романтизм, — он пытается или примирить человека с действительностью, прикрашивая ее, или же отвлечь от действительности к бесплодному углублению в свой внутренний мир, к мыслям о “роковых загадках жизни”, о любви, о смерти, — к загадкам, которые не разрешимы путем “умозрения”, созерцания, а могут быть разрешены только наукой. Активный романтизм стремится усилить волю человека к жизни, побудить его к бунту против действительности, против всякого гнета ее»⁷. Здесь — квинтэссенция несложной философии Горького, с ее сциентизмом и энергетизмом, но данное определение «положительного» романтизма как бунта против действительности (даже если речь идет только о «старой» действительности) не могло подходить для советской эпохи, — эпохи «сказочной действительности», «сказочных подвигов», «сказочно быстрых процессов разрушения «старого мира» и стремления к «фантастической цели»⁸. Героизация новой действительности, поиски ее сказочных черт — главная черта горьковского романтизма 1930-х годов⁹. В той же статье «О том, как я учился писать» Горький дает определение этого «нового» романтизма применительно к советской действительности: «В нашей литературе не было и нет еще “романтизма” как проповеди активного отношения к действительности, как проповеди труда и воспитания воли к жизни, как пафоса строительства новых ее форм и как ненависти к старому миру»¹⁰.

Горьковский романтизм — это жизнеутверждающее начало (идейное и эстетическое) в литературе (которое Горький проповедовал, но не применял в своем творчестве). Он мечтает о некоем синтезе реализма и романтизма: «Не следует ли искать возможности объединения реализма и романтизма в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном?»¹¹

К синтезу реализма и романтизма, против голого психологизма РАППа или фактографии новолетов, стремились и перевальцы вслед за Воронским: «Думается, что современное искусство идет к своеобразному сочетанию реализма с романтикой, к неореализму, но такому, в котором реализм остается все-таки господствующим началом»¹². В. Полонский различает «романтику упадка» и «романтику подъема», «бытовой реализм», «бескрылый и косный», и «полнокровный», «окрыленный», «романтический» реализм, ищущий «преодоления настоящего в сторону прошлого, если он реакционен (как, например, в “Чертухинском балакире” С. Клычкова), или в сторону будущего, если он революционен (как, например, в “Конармии” Бабеля, в “Цементе” Гладкова)»¹³. Полонскому не страшен «реакционный романтизм» С. Клычкова, — «самого крупного и замечательного художника, выдвинутого русской деревней»¹⁴, и он будет главным заступником Клычкова перед лицом РАПП и ВОКП, добивавшихся «раскрестьянивания» крестьянских писателей¹⁵.